

Чалмаев, В. Повесть Бориса Львовича Васильева «А зори здесь тихие» [Текст] / В. Чалмаев // Чалмаев, В. На войне остаться человеком : фронтовые страницы русской прозы 60-90-х годов : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. Чалмаев. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 91-93

Повесть Бориса Львовича Васильева (род. в 1924 г.) «А зори здесь тихие» (1969) в еще большей мере переносит внимание читателя с проблем чисто батальных, военных, на гуманистические проблемы спасения, продления жизни на земле, «непосильности», невыносимости войны прежде всего для женщин. Позднее белорусская писательница С. Алексиевич скажет, что «у войны не женское лицо». Оно и «не детское», как показал еще в 1958 году в рассказе «Иван» В. Богомолов.

Борис Васильев эту мысль о несовместимости войны и женской хрупкости, красоты, материнства развернул, углубил не одним только поединком с шестнадцатью опытными диверсантами и гибелью пятерых девушек-зенитчиц. До этого поединка следует серия полукомических эпизодов, как бы шутливо говорящих о «неудобстве» войны для девушек и негодности их для войны. Выстирали они, эти подчиненные старшины Федота Васкова, белье и вывесили его сушить. «Демаскируют», — решает Васков. Повел он же девушек через болота. И одна из девушек тут же потеряла сапог. Как ее накажешь? Молчит. И глаза печальные, как у телушки: любого обвиноватит.

Вероятно, лучшая сцена в повести — это вызывающе смелый поступок одной из героинь красавицы Жени Комельковой: ее «беспечное», внушающее диверсантам ложное представление о скоплении, о массе людей в лесу купанье. Сколько ненависти к фашистам, расстрелявшим ее близких, должно было жить в этой девушке, когда она вдруг вышла на берег, «завела-закричала» песню о девушке простой Катюше. Замерли ее подруги, замер Васков: «Вот сейчас, сейчас ударит — и переломится Женька, всплеснет руками и...» Поистине всех, и Женьку, до ужаса обожгло не ледяная вода озера, «обожгло ожидание очереди». И когда она выдержала беспечный стиль, вернулась в лес, то все увидели: «Она улыбается, а глаза, настезь распахнутые, ужасом полны, как слезами. И ужас этот живет и тяжелый, как ртуть».

Может быть, здесь-то и была одержана главная победа в этом сражении. Враг не мог догадаться, что был обманут смертельно опасной для «актрисы» игрой, он всерьез поверил, что еще не распознан, не открыт, что так беспечно могут заниматься «шалостями» люди, не знающие о нем.

Критики повести — и среди них упомянутый ранее Д. Гусаров, писатель-фронтовик из Петрозаводска, — не заметили, что повесть

эта вовсе не иллюстрация к тем или иным боевым операциям в Карелии. Может быть, действительно для 1942 года старшина Васков слишком опытный воин («будто воевал с немцами года два или три», — заметил Д. Гусаров), что не было в Карелии, стране лесов, построек из валунов на станциях. Но ведь в Васкове всего интереснее не тот или иной чисто воинский опыт: он и сражается скорее как охотник с дичью, даже не считает раненых врагов, а уводит врагов от девушек. «Метался по кустам, юлил меж валунов, падал, уходя от пуль, что сшибали листву над головой». И при этом еще радуется, что «немцы в кольцо взять его не могли».

Важнее все-таки именно сложное, духовно-нравственное единство героя и его женской гвардии. Ведь первая жертва в «отряде» Васкова — Соня Гурвич — погибла внешне «неразумно», «глупо», побежав за кисетом Васкова. Но она все же предупредила сдавленным криком о близости вражеских разведчиков. Ради спасения всех (и выполнения задачи) рискует собой «купальщица» Женя Комелькова. И главное — на совсем иной язык общения переходит сам Васков. Его деревянный «комсоставский», уставной жаргон — «я за кустами буду, на *расстоянии звуковой связи*», «разве горлом *сознательности* добиться?», «отличную позицию он выискал... глубокую, с укывистыми подходами» и т.п. — исчезает в последних беседах с Женей, с Ритой Осяниной, упрасивающей побережь ее ребенка. В финале он, служака, формалист, чтящий приказы и доклады, вообще дорастает до немислимых высот: «Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев?»